

# НЕСОСТОЯВШИЙСЯ СОЮЗ: РОССИЙСКО-ИРАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НАКАНУНЕ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ В ИРАНСКОЙ И РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ<sup>1</sup>

А.А. Андреев, Е.П. Писчурникова, С.Е. Костиков

**Аннотация.** В XX в. и в особенности в первой его половине в Иране и среди иранских историков за рубежом наблюдался всплеск интереса к истории российско-иранских отношений, выраженный в появлении целого ряда фундаментальных работ, о которых почти ничего не известно в России. Помимо эксклюзивности их уникальность была и в том, что авторы, такие, например, как С.М.А. Джамал-Заде, Н. Фальсафи и Н.Х. Мо'эззи, получившие образование в Европе, активно использовали в своих исследованиях европейские, российские, иранские и османские источники. Многие классики иранской исторической науки при исследовании истории межгосударственных отношений Русского царства и державы Сефевидов чаще всего обращались к источникам российского происхождения, подчеркивая их ценность. Другие авторы, такие как Н.Х. Мо'эззи и Н. Фальсафи, в своих работах использовали в большем количестве дополнительные источники европейского, иранского и османского происхождения. Их труды в сравнении с российской историографией позволяют уточнить ряд вопросов принципиального характера.

**Ключевые слова:** российско-иранские отношения, Федор Иоаннович, Борис Годунов, Мухаммад Худабенде, шах 'Аббас Великий, Бийа-Пиш, Гилян, Ахмад-хан, посольство, история дипломатии.

**Андреев Артем Алексеевич**, кандидат исторических наук, доцент Факультета политологии, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9, a.a.andreev@spbu.ru.

**Екатерина Петровна Писчурникова**, ассистент Восточного факультета, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9, e.pischurnikova@spbu.ru.

**Сергей Евгеньевич Костиков**, аспирант, лаборант-исследователь Института истории, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9, skostikov1@gmail.com.

<sup>1</sup> Статья выполнена при поддержке гранта РНФ № 18-78-10052 «Документальная история русского направления дипломатии Сефевидов (1501–1722 гг.)».

# VALUELESS UNION: RUSSIAN-IRANIAN RELATIONS BEFORE THE TIME OF TROUBLES IN THE INTERPRETATION OF IRANIAN AND RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

A.A. Andreev, E.P. Pischurnikova, S.E. Kostikov

**Abstract.** In the 20<sup>th</sup> century, especially in the first half of it, there was a surge of interest in the history of Russian-Iranian relations in Iran and among Iranian historians abroad expressed in the appearance of a whole series of fundamental works, which are almost unknown in Russia. In addition to their exclusivity, their uniqueness was in the fact that authors such as S.M.'A. Jamal-Zade, N. Falsafi and N.Kh. Mo'ezzi were educated in Europe and actively used European, Russian, Iranian and Ottoman sources in their research. Acquaintance with their works showed that many classic Iranian historians, when referring to the history of interstate relations between the Russian kingdom and the Safavid state, often turned to sources of Russian origin, emphasizing their value, as S.M.'A. Jamal-Zade stated the "Byzantine tradition" provides careful recordings of what is happening among the tsarist government officials. Other authors like N.Kh. Mo'ezzi and N. Falsafi in their works largely used additional sources of European, Iranian and Ottoman origin. Their works, in comparison with Russian historiography, make it possible to clarify a number of issues of a fundamental nature, including such as the interests of Shah 'Abbas in relation to Russia, the aims and objectives of the Gilan embassies from Akhmad Khan, the embassy of A.F. Zhirovoy-Zasekin and many others.

**Keywords:** Russian-Iranian relations, Fedor Ioannovich, Boris Godunov, Muhammad Khudabende, Shah Abbas the Great, Biya-Pish, Gilyan, Ahmad Khan, embassy, history of diplomacy.

**Andreev Artyom A.**, Candidate of Science (History), Assistant Professor, Faculty of Political Science, Saint Petersburg University, 7/9, Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russia, a.a.andreev@spbu.ru.

**Pischurnikova Ekaterina P.**, Lecturer, Faculty of Oriental Studies, Saint Petersburg University, 7/9, Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russia, e.pischurnikova@spbu.ru.

**Kostikov Sergey E.**, Postgraduate Student, Institute of History, Saint Petersburg University, 7/9, Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russia, skostikov1@gmail.com.

## ВВЕДЕНИЕ

На эпоху Сефевидов пришлось становление регулярных дипломатических отношений Ирана с Русским царством. Персидские шахи Тахмасп I (1524–1576), Мохаммад Ходабанде (1578–1587) и особенно 'Аббас Великий (1588–1629), подобно Ивану IV Грозному (1533–1584), вели борьбу с внутренними и внешними противниками за единство и укрепление своего государства. XVI в. — эпоха премодекна, которая принесла правителям России и Ирана возможность получать относительно подробную информацию о делах соседних государств и планировать свои шаги на проявляющейся политической карте мира. С другой стороны, мобилизационные способности государственных образований того времени, уровень развития бюрократической системы и средневековые коммуникации ограничивали потенциал практической дипломатии, ее комбинирования с военными кампаниями и экономической деятельностью.

Рубеж XVI–XVII вв. в отношениях России и Ирана ознаменован событиями, показавшими, что постоянные контакты, ротация дипломатических представителей разного уровня и конструктивный настрой в итоге не всегда приводили к осязаемым результатам. Именно поэтому долгая история обмена посольствами, торговыми представительствами и гонцами в период правления Федора Иоанновича и Бориса Годунова не пользовалась популярностью среди российских историков. Тем не менее, в начале XX в. был опубликован большой комплекс документов по истории посольств из Российского государства в Иран и от шахов Сефевидов в Русское царство. Во второй половине XX в. советскими историками предпринимались попытки критического обзора иранской историографии, но не в полном ее объеме, поскольку главным образом в фокусе внимания были сами российско-иранские отношения, а к работам иранских коллег было довольно скептическое отношение.

В Иране в течение первой половины XX в. тема отношений с Россией в исторической ее ретроспективе была крайне популярной. И об этих фундаментальных работах, об этих авторах, проявивших себя в исторической науке и литературе, у нас практически ничего не известно. В нашем исследовании мы проведем сравнительный обзор научного наследия иранских историков, специализировавшихся на истории российско-иранских отношений. Именно их труды представляют научную традицию изучения российско-иранских отношений в пространстве иранской историографии. Поскольку каждая из этих монографий заслуживает отдельной критической рецензии, нами было решено сосредоточиться на периоде становления взаимоотношений двух стран, пришедшемся на рубеж XVI–XVII вв., когда наличие общей внешней угрозы стимулировало интенсификацию контактов. Обращение к иранской научной литературе, как мы надеялись, должно было позволить выявить уникальные документальные источники по внешней политике России того времени и, условно говоря, получить взгляд «с той стороны». Но сразу следует оговориться, что эти надежды не вполне оправдались.

## ОБ ИРАНСКИХ ИСТОРИКАХ

Удивительным образом оказался обойденным вниманием российских исследователей Сеид Мохаммед Али Джамал-Заде (1892–1997) – вероятно, самый первый иранский историк, подробно занимавшийся российско-иранскими отношениями. Возможно, он также был одним из первых, кто «перешагнул» условную границу между шахскими придворными историографами и светскими оппозиционными историками. По нашему мнению, именно он оказал влияние на Н.Х. Мо'эззи и на множество других исследователей и русистов в Иране.

В России С.М.А. Джамал-Заде известен как один из самых активных деятелей конституционного движения в Иране во время правления династии Каджаров (1795–1925), он отчаянно боролся с шахской властью и религиозным консерватизмом и вынужден был мигрировать в Западную Европу. В Германии он занимался выпуском журнала «Каве», названного в честь героя «Шах-наме», боровшегося против иноземных захватчиков. Собственно, целью самого периодического издания была борьба с английскими и российскими «колониалистами» в Иране.

Исходя из того факта, что С.М.А. Джамал-Заде был первым среди иранцев, кто проводил сравнительный анализ иранских и европейских источников, отказавшись от традиций придворных шахских историографов, мы можем его назвать основоположником иранской исторической школы. Тезисы Джамал-Заде позднее будут часто встречаться в последующих работах иранских историков, довольно часто без отсылок к оригиналу.

О его последователях, других иранских историках, исследовавших российско-иранские отношения, можно написать отдельную работу ввиду их огромного вклада в историческую науку и культуру своей родины. Здесь мы ограничимся самыми необходимыми сведениями. Наджаф Коли Мирза Хесам ад-Доуле Мо'эззи (1885/1886–1980) учился во Франции, долгое время работал в министерстве финансов Ирана при династии Каджаров. Он был одним из самых молодых депутатов меджлиса 3-го созыва (1914–1915), где возглавлял суннитский комитет, позднее стал начальником департамента в министерстве дорог, где и проработал до пенсии. История была для него и хобби, и важной частью жизни, его монографии по истории Англии, США и России являются фундаментом для современной иранской историографии.

Насроллах Фальсафи (1901–1981), представитель династии иранской интеллигенции, в течение своей жизни сменил несколько профессий: он был журналистом, юристом и профессором истории и географии в Тегеранском университете (эту должность он получил в 1936 г.) В течение двух лет он также преподавал историю персидской литературы в Страсбургском университете. Его *magnum opus* стала книга о жизни шаха 'Аббаса Великого (1588–1629). И хотя он сумел завершить только пять томов из задуманных восьми, сегодня это одно из лучших биографических исследований, посвященных шаху, в котором детально рассматривается его внешнеполитическая деятельность, в том числе и в отношении России. Фальсафи

использовал османские и европейские источники, что сделало его работу классической.

Порядка шести глав монографического исследования иранского историка второй половины XX в. Амир Хусейна Баразеша «Политико-дипломатические отношения Ирана с миром в эпоху Сефевидов» [Barāziš, 1392], впервые вышедшего в 1972 г., посвящены российскому направлению шахской дипломатии. А.Х. Баразеш не очень известен в России, хотя его интерпретации представляют значительный интерес для отечественных исследователей. О его деятельности как историка или как политического деятеля шахского Ирана почти ничего не известно.

Первые политические контакты России и Ирана без иностранного посредничества датируются периодом правления шаха Мохаммада Ходабанде (1578–1587). По мнению 'Али Акбара Бина, автора политической и дипломатической истории Ирана, XVI–начало XVII в. были временем транзита от сугубо торговых отношений к полноценным политическим контактам [Bīnā, 1337, §. 10]. Договоренности, достигнутые в этот период между двумя государствами, были, в основном, направлены против Османской империи. Благоприятный политический контекст служил и развитию двусторонней торговли.

Профессор Тебризского университета Ахмад Тадж Бахш считал, что полноценные политические отношения между династиями Романовых и Сефевидов формируются только во время правления 'Аббаса Второго (1632–1666) [Tādj Bakhš, 1337, §. 9–10]. Н.Х. Мо'эззи определяет их более ранним временем и, ссылаясь на российские источники, пишет о том, что инициатива по установке отношений исходила от иранской стороны. Находясь в тяжелых условиях, иранский шах Мохаммад Ходабанде предложил уступить города Дербент и Баку (захваченные тогда османами) в обмен на военную помощь Москвы [Mu'izzī, 1324, §. 253]. Визит Анди-бека (1568) (Хади Бейга в иранской историографии) открывает череду дипломатических миссий, снаряжавшихся обеими сторонами. Дипломатические контакты с Русским царством в период правления шаха 'Аббаса Н.Х. Мо'эззи изучил достаточно подробно, но не столь детально, как это позднее сделал советский историк П.П. Бушев (1899–1981). Его подробная «История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586–1612 гг.», изданная в 1976 г., будет для нас своего рода камертоном при работе с иранской историографией.

Мы намеренно выделяем П.П. Бушева среди других советских и российских исследователей по двум причинам. Во-первых, немногие отечественные историки обращались к работам иранских коллег. Только А.П. Новосельцев, позднее П.П. Бушев и Н.Г. Куканова в своих работах проводили критический обзор иранской историографии. При этом А.П. Новосельцев, а вслед за ним и Н.Г. Куканова [Куканова, 1977, с. 27] больше внимания уделяли трактовкам иранских историков по вопросам политики Петра I в отношении Ирана. Ими верно была определена зависимость иранской историографии в отношении фактического материала от европейской научной традиции [Новосельцев, 1960, с. 188–190]. П.П. Бушев [Бушев, 1976] в списке

литературы своей «Истории посольств и дипломатических отношений русского и иранского государств в 1586–1612 гг.» упоминал А.Х. Баразеша, Ахмад Тадж Бахша, Н. Фальсафи и Н.Х. Мо'эззи, но при этом он очень часто критиковал последнего.

Во-вторых, в фокусе нашего исследования короткий период (1583–1605) истории дипломатических контактов державы Сефевидов и Русского царства и наиболее детально на основе документов Российского государственного архива древних актов (Ф. 77 «Сношения России с Персией») он был изучен именно П.П. Бушевым, что особенно заметно на фоне работ дореволюционных [Бронеvский, 1996; Белокуров, 1889], советских [Кушева, 1963; Новосельцев, 1960; Куканова, 1977] и современных историков [Магилина, 2008; Базиленко, 2011].

## ПОСОЛЬСТВА ОТ ШАХА МУХАММАДА ХОДАБАНДЕ

И П.П. Бушев, и А.Х. Баразеш считали приезд Анди-бека в 1586 г. первым посольством от шаха Мохаммада Ходабанде, что не верно. Доказать это достаточно сложно, поскольку архивных документов от визита первого сефевидского посла в 1583 г. не сохранилось. Еще Н.М. Карамзин писал о том, что в 1583 г. Иван IV «угощал Послов Шаха Персидскаго, Султанова, Бухарских, находясь в тесном дружестве с преемником Томасовым, Годабанде, как с неприятелем опасной для нас Оттоманской империи» [Карамзин, 1821, с. 417–418]. П.П. Бушев считал, что Н.М. Карамзин никакой ссылки не приводил, на деле же классик российской истории, упоминая первого посла от шаха Мухаммада Ходабанде, ссылался на два источника. Это воспоминания Павла Одерборна (пастора из Померании) и материалы «Турецких дел» [Карамзин, 1821, с. 266–267].

А.Х. Баразешем также был поставлен вопрос о первом посольстве от шаха Мохаммада Ходабанде ко двору Ивана Грозного [Barāziš, 1392, §. 284]. В своих построениях он опирался на османские источники, в частности, косвенное указание в пятом томе «Истории османов» Узуна Чаршили о приезде в 1584 г. ко двору султана Бориса Благова с письмом от Федора Иоанновича (1584–1598). В послании сообщалось о том, что «шах Ирана обращался к русскому царю за помощью, однако Россия не приняла это предложение и подтвердила свои дружественные намерения по отношению к Османскому государству...» [Barāziš, 1392, §. 284–285].

Подводя итог, следует признать, что Анди-бек был вторым послом от Мохаммада Ходабанде, а имя первого шахского дипломатического представителя до настоящего времени не известно. Не исключено, что это мог быть и сам Анди-бек, впоследствии регулярно приезжавший в 1590-х гг.

Анди-бек был принят и отправлен назад к шаху, и вместе с ним отбыл русский посол Григорий Васильчиков. Находясь в Астрахани, он узнал о воцарении в Иране 'Аббаса I. Н.Х. Мо'эззи, определенно отдавая должное, как он сам писал «опытности и компетентности» посланника царя, упоминал о том, что тот просто заменил имя шаха в грамоте от Федора Иоанновича [Mu'izzī, 1324, §. 255–256].

## ПЕРВЫЕ ПОСОЛЬСТВА В РОССИЮ ОТ ШАХА 'АББАСА

Главное поручение царя Г. Васильчиков выполнил. Он довел до шаха 'Аббаса сведения о стремлении царя к поддержанию и упрочению дружественных связей между двумя государствами, а также о готовности принять города Дербент и Баку. Шах 'Аббас подтвердил свою приверженность прежним договоренностям с его отцом и отпустил послов. Ирану, с трудом противостоявшему османам, наличие третьей силы в Закавказье было до определенной степени выгодно.

Дополнительные сложности были связаны с международным контекстом того времени. Османы вели войну «на три фронта», и этот факт нивелировал значение Москвы как потенциально единственного союзника Ирана [Imber, 2012, p. 91]. Шах 'Аббас, вероятно, ограничивал участие России территорией Закавказья и рассматривал Священную Римскую Империю как источник более серьезного внешнего давления на Порту. 28 мая 1589 г., согласно сведениям, приводимым П.П. Бушевым, посольство Г. Васильчикова, так и не получив положенных «кормовых» денег, выдвинулось обратно в направлении Гиляна. В Гиляне<sup>1</sup> местный правитель (хаким) Ахмад-хан присоединил к посольству Г. Васильчикова своего посла — Хаджи Хасана вместе с его братом Мурад-ханом. По сведениям, приводимым Н. Фальсафи, настоящее имя первого гилянского посла было «хваджа Хисам уд-Дин Лангеруди» и был он не просто слугой хакима, а его везиром, то есть одним из главных его приближенных [Falsafi, 1353, §. 142–143]. П.П. Бушев, ссылаясь на французского историка Л.Л. Беллана, считал, что хваджу Хисам уд-Дина отправили ко двору османского султана, а не в Москву [Бушев, 1976, с. 150].

Вместе с российским «легким послом»<sup>2</sup> была отправлена «дипломатическая делегация» в составе 17 человек во главе с предыдущим посланником Анди-беком и одним из военачальников кызылбашей Бутак-беком (Будак Бейг) [Mu'izzī, 1324, §. 261]. Данные, приводимые Н.Х. Мо'эззи, нуждаются в уточнении. По версии П.П. Бушева, сам Бутак-бек был всего лишь птичником, а Анди-бек — незнатным гилянским авантюристом, повторно отправленным в Россию. Н. Фальсафи приводит достаточно много интересных сведений о Бутак-беке, опровергающих скепсис П.П. Бушева. Это был не птичник и не рядовой слуга шаха. По информации иранского автора, бек происходил из племени устаджлу и был мюридом самого Дервиша Хосрова — лидера движения нуктавитов [Falsafi, 1353, §. 47]. Позднее, после возвращения из посольства, Бутак-бек был убит во время расправ над сектой в апреле — мае 1593 г. [Falsafi, 1353, §. 47]. Подробнее история нуктавитов (шиитское суфийское движение, ответвление движения хуруфитов) и их конфликт с шахом 'Аббасом рассматриваются в работе Д. Блоу [Blow, 2009, p. 43–44]. Версия П.П. Бушева о низком ранге посланников шаха, учитывая происхождение Бутак-бека, может быть пересмотрена. Племя устаджли, или устаджлу, к которому он принадлежал, было одним из могущественных кызылбашских объединений.

---

<sup>1</sup> Шиитская часть Гиляна, в которой правила династия Кийа, называлась «Бийа-пиш».

<sup>2</sup> «Легкий посол» по терминологии XVI–XVII вв. — посол без права возглавлять посольство.

По своему количеству и составу это было очень небольшое посольство — для сравнения П.П. Бушев приводит цифру в 1000 участников посольства шаха 'Аббаса к османам (без каких-либо ссылок), которое возглавлял правитель Ардебиля Кулихан Чевольшю. Расходится П.П. Бушев с Н.Х. Мо'эззи и в отношении количества участников посольства: он объясняет это расхождение тем, что иранский коллега неточно переводил российские источники. Стоит отметить, что иранский исследователь в работе активно использовал источники из российских архивов, опубликованные Н.И. Веселовским.

В целом П.П. Бушев часто критиковал Н.Х. Мо'эззи. Например, он сомневался в возможности нападения «турков» во время обратного путешествия посольства через Каспийское море, о котором пишет иранский историк [Mu'izzī, 1324, §. 261]. Попытка грабежа, вероятно, была со стороны туркмен, но и османы в Баку знали о перемещении людей московского государя и иранского шаха. Османский военачальник в Баку захватил «гилянского человека» Ходжу Ахмета, предполагая, что это участник посольства. Османам была невыгодна торговля Ирана и России, и, пытаясь ей противодействовать, они поощряли морской разбой [Смирнов, 1946, с. 120; Фехнер, 1956, с. 28].

Трудности переговоров иранских послов в Москве с Борисом Годуновым, по нашему мнению, отражены в работе Н.Х. Мо'эззи достоверно. Объективно обе стороны не были уверены в реалистичности двустороннего союза против осман. Вероятно, именно поэтому ими выдвигались заведомо невыполнимые требования и нереалистичные проекты. Например, ссылаясь на слова посла Анди-бека, присланного еще от шаха Мохаммада, бояре и дьяки спрашивали о возможности передачи двух городов без военного участия со стороны России. В свою очередь иранский посол настаивал на практической реализации военного союза, к чему российская сторона была совершенно не готова.

## ПОСОЛЬСТВА КАЯ, БУТАК-БЕКА И АНДИ-БЕКА В МОСКВУ И ИХ ИТОГИ

Зимой 1592 г. был переправлен из Астрахани в Москву гонец от шаха 'Аббаса — Кай. В российской историографии он обозначается именно как гонец, а не посол с правом ведения переговоров. Согласно А.Х. Баразешу, посол привез «ложные сведения о положении дел между Ираном и Турцией» [Barāziš, 1392, §. 499].

Среди иранских авторов есть расхождения относительно успехов миссии Кая. А.Х. Баразеш писал о том, что «боярская дума отказалась его принять, и он получил предписание покинуть Москву и вернуться на Родину» [Barāziš, 1392, §. 499]. Джамал-Заде, вероятно, ссылаясь на Н.Х. Мо'эззи, наоборот, сообщает о том, что «царь принял посла» и вручил ему письмо и дары для шаха [Djamāl Zāda, 1384, §. 133].

Подробное описание приезда Кая на данный момент приведено только у П.П. Бушева. Кай привез грамоту от шаха 'Аббаса, которую не цитируют иранские



историки. Причиной его отправки, согласно тексту послания, было желание 'Аббаса поделиться радостью от возвращения предыдущих послов Бутак-бека и Анди-бека. П.П. Бушев считал, что Кай по пути Москву встречался с шамхалом тарковским.

П.П. Бушев убедительно доказал, что сообщение Кая о казни племянника шаха, содержавшегося в заложниках у султана, было ложным, и гонец таким образом пытался вновь убедить Б. Годунова выступить против Порты. Н.Х. Мо'эззи, видимо, не считал их таковыми. Позиция Москвы оставалась такой же, как и во время посольства Бутак-бека и Анди-бека – не предпринимать никаких действий против османов, с той лишь разницей, что в этот раз гонцу вернули подарки шаха 'Аббаса.

Не дожидаясь и в этот раз возвращения Кая, шах 'Аббас в мае 1592 г. посылает к Б. Годунову нового посла – Хаджи Хосрова. Его корабль замерз во льдах «в ста верстах» от берега и был спасен астраханским воеводой [Djamāl Zāda, 1384, § 133]. Н.Х. Мо'эззи считал эту миссию «особенно важной», исходя из количества и стоимости подарков, присланных от шаха 'Аббаса и его супруги Зейнаб-ханум царю Федору Иоанновичу, царице Ирине Федоровне и Борису Годунову. По мнению Н. Фальсафи, посольство Хаджи Хосрова не было успешным, «поскольку предложения шаха касательно покупки русского оружия и освобождения четырех иранских кораблей в Астрахани не принесли результата» [Falsafi, 1391, §. 1073]. Но, по довольно убедительной версии П.П. Бушева, определенные успехи все же имели место. Послу передали бывшее имущество хана Ахмада для возвращения в Иран. Главным же его достижением было получение разрешения на беспошлинную торговлю товарами шахского двора «как по ввозу их, так и по вывозу из него (Русского государства – Авт.) в Иранское государство» [Бушев, 1976, с. 200–201].

Пользуясь новыми договоренностями, в 1593 г. в Россию прибыли от шаха 'Аббаса «купчина-гонец» Хаджи Искандер и купец Хаджи Мохаммад Хоссейн. Н.Х. Мо'эззи определял их приезд как попытку шаха 'Аббаса произвести выгодный для себя дарообмен, поскольку «количество выбранных посланцами шаха товаров превышало количество присланных шахом даров». На предложение российской стороны доплатить за разницу в цене между требуемым и подаренным был дан отказ ввиду отсутствия инструкций на этот случай от 'Аббаса [Mu'izzī, 1324, §. 275]. Н. Фальсафи считал эту сделку выгодной, но не состоявшейся по причине траура у Бориса Годунова в связи со смертью дочери [Falsafi, 1391, §. 1073]. В итоге, по П.П. Бушеву, в убытке оказались московские власти, поскольку транспортные расходы, связанные с приездом и отбытием иранских купцов, несли они, а не шах.

#### А.Д. ЗВЕНИГОРОДСКИЙ ПРИ ДВОРЕ ШАХА 'АББАСА

В 1594 г. вместе с послом Хаджи Хосровом и купцами Хаджи Искандером и Хаджи Мохаммад Хоссейном в державу 'Аббаса прибыл российский посол Андрей Дмитриевич Звенигородский. Н.Х. Мо'эззи считал, что этот «опытный царедворец» был отправлен ввиду сильно изменившейся международной обстановки, создававшей

удобные условия для союза против османов. Н. Фальсафи в качестве основной причины отправки посольства указывает недовольство Бориса Годунова шахом 'Аббасом, подписавшим мирный договор с султаном Мурадом III [Falsafi, 1391, §. 1074].

С.М. Джамал-Заде указывает причины приезда, исходя из содержания присланных с А.Д. Звенигородским грамот. Их, согласно его версии, было две – «выразить удивление заключенному с османами мирному договору» и «сетовать по поводу некомпетентности купчины Хаджи Искандера», отказавшегося торговаться (то есть платить за превышение стоимости требовавшихся подарков) [Djamāl Zāda, 1384, §. 135]. А.Х. Баразеш объясняет приезд А.Д. Звенигородского случившимся ранее неудачным походом русских войск на Кавказ, где русские хотели подготовить «почву для коалиции Ирана и России против османов» [Barāziš, 1392, §. 501]. По всей видимости, имеется в виду поход отряда Андрея Хворостинина в 1593 г. [Кушева, 1963, с. 283; Потто, 1887, с. 8–10].

Описание прибытия русского посла в Гилян у двух иранских авторов во многом сходится и носит анекдотический характер. «Когда в Гиляне посла и его людей встречала делегация от шаха, посол сообщил, что вместе с ним в Иран возвращался и шахский посол Хаджи Хосров, однако его корабль был унесен сильным ветром в неизвестном направлении. Присланный от шаха 'Аббаса чиновник ответил, что таких как Хаджи Хосров у шаха много, а вот прибытие русского посла действительно очень важно» [Mu'izzī, 1324, §. 276]. В оригинале по статейному списку ситуация для русского посла была неприятной. Он жаловался «есаулу шаха Амиркуню» на послов Булат-бека и Хаджи Хосрова, которых еще в Астрахани пытался уговорить сесть с ним на его бусу (судно), чтобы их не разнесло в море. И они наотрез отказались и теперь неизвестно, жив ли Хаджи Хосров. На что есаул ответил, что приехали они или нет – пока неизвестно, а если и нет, «то государю нашему обычное дело», главное, что вы благополучно прибыли [Памятники дипломатических... 1890, с. 248].

Поскольку статейный список посла – это единственный источник, к которому обращаются иранские авторы (кроме А.Х. Баразеша), то далее можно выделить только те моменты из посольства Звенигородского, которым они придают особое значение. А.Х. Баразеш приводит упоминание о русском после в «Тарих-и 'алам арайи 'аббаси» Искандер-бека Мунши Торкамана. Приезд русского посла им описывается буквально в нескольких строчках – «прибыл ко двору его величества русский посол от имени русского царя, привез он множество прекрасных даров, и был этот посол достойным и важным человеком в своем краю... его величество наш правитель принял его с большими почестями...» [Barāziš, 1392, §. 501]. Это одно из редких ранних упоминаний о русских послах в иранских источниках.

По прибытию делегации в город Кашан шах стал настаивать на том, чтобы встреча проходила открыто, чтобы, как пишет Н.Х. Мо'эззи [Mu'izzī, 1324, §. 278], могли ее видеть и простые жители, и послы других государств. Судя по статейному списку, для 'Аббаса было важно показать и народу, и послам от турецкого султана и бухарского хана, какие дары прислал ему русский царь. Н.А. Фальсафи также упоминает

эпизод, когда посла османов приглашали смотреть, как 'Аббасу вручают подарки из России [Falsafī, 1353, §. 276].

Звенигородский был против такой «публичной дипломатии» и попросил о закрытой для широкой публики аудиенции. Также он отказался следовать принятому тогда в Иране правилу целования ноги шаха, согласившись только на целование руки. Шах согласился со всеми условиями посла и все равно во время приема получил вежливое напоминание со стороны Звенигородского, что вначале он будет отвечать про здоровье государя, а не про свое [Mu'izzī, 1324, §. 278]. Во время пребывания и в Кашане, и в Казвине шах 'Аббас устраивал встречи с русским послом, во время которых и расспрашивал о делах, и, как это было в Казвине, предлагал посоревноваться в стрельбе из лука [Памятники дипломатических... 1890, с. 273].

#### ПОСОЛЬСТВО ИМАМ КУЛИ-БЕКА В МОСКВУ И ТРАГЕДИЯ РОССИЙСКОГО ПОСОЛЬСТВА В ИРАНЕ

Вместе с А.Д. Звенигородским 'Аббас отправил к русскому царю посла Имам Кули-бека. По общему мнению иранских историков, это посольство не было отмечено ничем особенным в истории российско-иранских отношений [Falsafī, 1391, §. 1074; Varāziš, 1392, §. 503]. Джамал-Заде — один из немногих, кто упоминает о том, как посол шаха 'Аббаса еще в Гиляне отказался ехать вместе с русским послом [Djamāl Zāda, 1384, §. 137] и отправился в путь самостоятельно. По П.П. Бушеву, А.Д. Звенигородский выехал без Имам Кули-бека, поскольку тот задерживал отправку в Гиляне, ожидая своих людей [Бушев, 1976, с. 262].

Главной темой в переговорах во время пребывания у российского царя практически одновременно трех иранских послов Имам Кули-бека, Хаджи-бека и Хаджи Хосрова был все тот же гипотетический союз против османов. Для его реализации, по мнению Н.Х. Мо'эззи и А.Х. Баразеша шах 'Аббас предложил создать институт постоянных послов, дабы «укрепить русско-иранскую коалицию» против Османской империи [Mu'izzī, 1324, §. 279; Varāziš, 1392, §. 503]. П.П. Бушев, наоборот, считал, что нет оснований предполагать, что Имам Кули-бек привез оригинальные предложения от шаха 'Аббаса. Однако именно после этого посольства началась подготовка к поездке в Иран В.В. Тюфякина и С. Емельянова (факт, который П.П. Бушев в своей работе не отрицает).

Василий Васильевич Тюфякин, как известно, до Каспийского моря не доехал, скончавшись по дороге. Посольство возглавил Семен Емельянов. Описание этой миссии у вышеперечисленных авторов очень похоже, только Н.Х. Мо'эззи и С.М. Джамал-Заде указывают как причину гибели участников посольства эпидемию холеры в прикаспийской части Ирана. Согласно П.П. Бушеву, трагедия произошла в результате «слепого и жестокого выполнения приказа шаха 'Аббаса бессердечными и безрассудными его исполнителями» [Бушев, 1976, с. 306]. Исходя из документов, можно сделать вывод, что посольство оказалось в безвыходной

ситуации: оставаться в зоне эпидемии холеры было не менее опасно, чем совершать длительные переходы с больными товарищами. В итоге, по желанию самого шаха, он принимал вместо двух умерших по пути послов «черного попа» Никифора и кречетников Петра Маркова и Василия Чернцова, поскольку из всего числа участников посольства, выжившими и наиболее представительными оставались они. В иранской историографии бытует точка зрения, что они были единственными выжившими. В реальности делегация была немногим больше. В Москву вернулось семь человек (кроме упомянутых лиц, выжили их слуги) [Бушев, 1976, с. 306].

Относительно последовавшего за трагедией с русским посольством приезда Анди-бека в Москву существуют значительные расхождения с иранской историографией. По мнению двух иранских историков, он до Москвы не доехал, хотя они и по-разному трактуют причины этой ситуации. Согласно С.М. Джамал-Заде, подзрения у воевод появились, когда Анди-бек заявил, что письмо адресовано Борису Годунову, поскольку шах 'Аббас знал о смерти Федора Иоанновича. В самом же предъявленном документе было обращение к умершему царю [Djamāl Zāda, 1384, §. 139]. У Н.Х. Мо'ezzи есть сведения о том, как Анди-бека, по его словам, дважды грабили на Каспийском море и в Гяндже. В возможности двойного грабежа русские администраторы усомнились, тем более что «Анди-бека сопровождали две женщины» [Mu'izzī, 1324, §. 280]. П.П. Бушев считал, что посольство было инициативой и/или авантюрой самого Анди-бека [Бушев, 1976, с. 334].

После смерти царя Федора Иоанновича в Россию прибывают два посольства от шаха 'Аббаса. А.Х. Баразеш указывает количество участников одного из них – 300 человек [Barāziš, 1392, §. 505]. По его словам, к ним должен был присоединиться 41 человек из миссии в Европу, возглавляемой британцем на службе у шаха Энтони Ширли. П.П. Бушев считал, что сведения о количестве взяты из иностранных источников и подтверждений в российских документах им нет [Бушев, 1976, с. 342].

Серьезные расхождения у российского историка с иранским коллегой есть и относительно цели прибытия многочисленного посольства. По версии А.Х. Баразеша, шах через Пир Кули-бека вновь обсуждал условия военного союза против османов и просил прислать к нему русского посла обсудить детали [Barāziš, 1392, §. 506]. П.П. Бушев утверждал, что, с одной стороны, статус персидского дипломата был незначительным, но, в то же время, Московское государство было «близко к заключению военного союза» [Бушев, 1976, с. 357]. Исходя из имеющихся данных, можно предположить, что шах 'Аббас хотел оставить за собой последнее слово в переговорах.

#### ПОСОЛЬСТВО А. Ф. ЖИРОВОГО-ЗАСЕКИНА И ПОПЫТКА ОЖИВИТЬ «СОЮЗ» МЕЖДУ РУССКИМ ЦАРСТВОМ И ДЕРЖАВОЙ СЕВЕВИДОВ

В сентябре 1600 г. Борис Годунов выслал к шаху 'Аббасу посольство князя Александра Федоровича Засекина. Вторая попытка заключения военного союза против османов предпринималась в более благоприятных условиях: шах 'Аббас

нейтрализовал угрозу Ирану с северо-востока и готовился восстановить влияние в Ширване. К союзу, по версии А.Х. Баразеша, мог присоединиться император Священной Римской империи Рудольф II [Barāziš, 1392, §. 507]. О самом посольстве П.П. Бушев давал противоречивые комментарии. С одной стороны, он писал, что нет документальных свидетельств об отбытии посольства в Иран и остается надеяться, по его словам, на иранские архивные фонды, чтобы подтвердить отправку посольства и его прибытие в Исфахан. С другой стороны, он выдвинул гипотезу о том, что посольство А.Ф. Жирового-Засекина все же достигло берегов Гиляна [Бушев, 1976, с. 376]. На основании письма Астраханского воеводы О.Т. Плещеева Борису Годунову, депеши резидента польского короля Сигизмунда III Сефера Арменина и других документов И.В. Магилина весьма убедительно показывает, что русский посол все же был принят шахом 'Аббасом в 1601 г. [Магилина, 2008, с. 151].

Иранские историки не сомневались в прибытии русского посольства ко двору шаха. А.Х. Баразеш пишет, что в сентябре 1600 г. русский посол (по документам РГАДА, только выехавший в это время из Москвы) вместе с Пир Кули-беком приехал в Кашан и был принят 'Аббасом. В составе миссии иранский историк упоминает некое Ярославова – посланника, прибывшего уже с делегацией от императора Рудольфа II [Barāziš, 1392, §. 510]. С.М. Джамал-Заде, как и его коллеги, не сомневался в том, что делегация прибыла ко двору 'Аббаса. Этот автор среди ее целей упоминал не только заключение союза, но и извещение шаха о новом легитимном правителе в России [Djamāl Zāda, 1384, §. 137].

Переговоры в итоге ни к чему не привели, поскольку договор не был заключен (его пункты реконструированы И.В. Магилиной) [Магилина, 2008, с. 151] и шах 'Аббас решил отправить две миссии. Одна (под руководством Лачин-бека) отправилась к Борису Годунову, а вторая – к императору Рудольфу II (под началом Мехди Кули-бека). По версии П.П. Бушева, оба посольства какое-то время находились вместе в Казани, где австрийский резидент Тектандер получил сведения от Лачин-бека о плане совместных действий российского царя и шаха Ирана против османов. В частности, по его словам, Борис Годунов выслал в помощь шаху 'Аббасу несколько тысяч людей и пушки для осады Дербента.

Эти данные австрийского резидента о количестве и качестве реальной военной помощи российского царя приведены А.Х. Баразешем и Н. Фальсафи как итог союзнических договоренностей между двумя государствами [Barāziš, 1392, §. 510; Falsafi, 1391, §. 1080]. В работах Н.Х. Мо'эззи и С.М. Джамал-Заде не упоминается о совместных военных действиях двух государей против османов. Есть все основания полагать, что «несколько тысяч», посланные к Дербенту – это искаженные сведения о «Шевкальском походе» воеводы И. Бутурлина и астраханского воеводы О. Плещеева против Тарковского шамхальства в 1604–1605 гг.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представляется целесообразным подвести итог интерпретации иранскими историками особой активности внешнеполитических контактов между двумя государствами в конце XVI–начале XVII в. и ее неутешительным итогам. Несмотря на практически постоянную ротацию послов от шаха 'Аббаса (в среднем раз в два – три года), можно констатировать их общее мнение, что все эти миссии носили «парадный» характер, некий «камуфляж» торговых представительств. При этом Османская империя воспринималась каждой из сторон как реальный и опасный противник (особенно Сефевидами, потерявшими в борьбе с Портой Ширван), но на реальные совместные действия за все время дипломатического сближения (1583–1605) ни одна из сторон так и не решилась.

Обзор самих работ иранских исследователей позволяет сделать вывод о том, что они преимущественно опирались на опубликованные источники из российских архивов. Самым цитируемым источником стали «Памятники дипломатических сношений Московской Руси с Персией» Н.И. Веселовского. Как следствие, информация о посольствах шаха 'Аббаса ко двору российских государей в Иране воспринималась через призму русской бюрократической переписки. Текстологический анализ позволяет говорить о значительном влиянии на формирование иранской русистики С.М. Джамал-Заде, которого следует считать основоположником исторической школы изучения российско-иранских отношений.

## ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

*Базиленко И.В.* Православная Россия и шиитский Иран: по страницам истории отношений // *Христианское чтение*. 2011. № 2(37). С. 139–185.

*Броневский С.М.* Исторические выписки о сношениях России с Персией, Грузиею и вообще с горскими народами, в Кавказе обитающими, со времен Ивана Васильевича доняне. СПб.: Центр «Петерб. Востоковедение», 1996. 232 с.

*Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом: Материалы, извлеч. из Моск. глав. архива М-ва иностр. дел Сергеем Ал. Белокуровым. Вып. 1. 1578–1613 гг. М.: Унив. тип., 1889. 715 с.

*Бушев П.П.* История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586–1612 гг. (по русским архивам). М.: Наука, 1976. 478 с.

*Карамзин Н.М.* История Государства Российского. Т. IX. СПб.: типография Н. Греча, 1821. 770 с.

*Куканова Н.Г.* Очерки по истории русско-иранских торговых отношений в XVII–первой половине XIX века. Саранск: Мордовское гос. изд-во, 1977. 284 с.

*Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI–30-е годы XVII в. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 371 с.

- Магилина И.В. Проект антитурецкого договора между Московским государством и Персией в 1600 г. (Реконструкция по материалам посольства кн. А.Ф. Жирово-Засекина) // *Вестник ВолГУ. Сер. 4*. 2008. № 1(13). С. 145–155.
- Новосельцев А.П. Русско-иранские отношения XVII–первой половины XVIII в. в зарубежной историографии // *История СССР*. 1960. № 3. С. 183–190.
- Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией / под ред. Н.И. Веселовского. Т. 1: Царствование Федора Иоанновича. СПб.: Товарищество паровой скоропечатни Яблонский и Перотт, 1890. 455 с.
- Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. От древнейших времен до Ермолова. Выпуск Первый. Издание второе. СПб.: Издание книжного склада В.А. Березовского. 1887. 737 с.
- Смирнов Н.А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. Т. 1. XVI век. М., 1946. 158 с.
- Фехнер М.В. Торговля Московского государства со странами Востока в XVI в. М.: Госкультпросветиздат, 1956. 139 с.
- Barāziš A.Ḥ. *Ravābiṭ-i siyāsī-dīplumātīk-i Īrān va d̄jahān dar 'ahd-i šafaviya*. Tihṛān: Mu'assisa-yi intišārāt-i Amīr Kabīr, 1392. 1296 ṣ.
- Bīnā 'A.A. *Tārīkh-i siyāsī va dīplumāsī-yi Īrān. D̄jild-i avval. Az Gunābād tā Turkmančāy. 1134–1243 (hidjri) Čāp-i duvvum*. Tihṛān: Intišārāt-i dānišgāh-i Tihṛān, 1337. 316 ṣ.
- Blow D. *Shah Abbas. The Ruthless King Who Became an Iranian Legend*. London: I.B. Tauris. 2009. 256 p.
- Djamāl Zāda S.M.'A. *Tārīkh-i ravābiṭ-i Rūs va Īrān. Ba kušīš-i 'Alī Dihbāšī*. Tihṛān: Sukhan, 1384. 249 ṣ.
- Imber C. The Battle of Sufiyan, 1605: A symptom of Ottoman Military Decline? // *Iran and the World in the Safavid Age* / Ed. by W. Floor and Ed. Herzig. London: I.B. Tauris, 2012. Pp. 91–101.
- Falsafī N. *Zindigānī-yi Šāh 'Abbās-i avval. D̄jild-i duvvum*. Tihṛān: Mu'assisa-yi intišārāt-i Niḡāh, 1391. 722 ṣ.
- Falsafī N. *Zindigānī-yi Šāh 'Abbās-i avval. Mudjallad-i sivvum: Dīndārī, siyāsāt-i madhabī, siyāsāt-i dākhilī, 'adālat, dārāyī va amlāk*. Tihṛān: Intišārāt-i dānišgāh-i Tihṛān, 1353. 341 ṣ.
- Mu'izzī N.Ḥ. *Tārīkh-i ravābiṭ-i siyāsī-yi Īrān bā dunyā, az Hakhāmanišī tā taḥavvulāt-i akhīr. D̄jild-i avval* Tihṛān: Čāpkhāna-yi 'ilmī, 1324. 341 ṣ.
- Tād̄j Bakhš A. *Tārīkh-i ravābiṭ-i Īrān va Rūsīya dar nīma-yi avval-i ḡarn-i nūzdahum*. Tabrīz: Intišārāt-i kitābkhāna-yi Čihr, 1337. 176 p.

## REFERENCES

- Bazilenko I.V. Pravoslavnaja Rossija i shiitskij Iran: po stranicam istorii otnoshenij [Orthodox Russia and Shiite Iran: the pages of the history of relations], in *Hristianskoe chtenie*. 2011. № 2(37). Pp. 139–185 (in Russian).

Bronevskij S.M. *Istoricheskie vypiski o snoshenijah Rossii s Persieju, Gruzieju i voobshhe s gorskimi narodami, v Kavkaze obitajushhimi, so vremen Ivana Vasil'evicha donyne* [Historical extracts about the relations of Russia with Persia, Georgia and, in general, with the mountain peoples inhabiting the Caucasus, from the time of Ivan Vasilyevich to the present]. Ros. akad. nauk, In-t vostokovedenija, S.-Peterb. fil. SPb.: Centr "Peterb. Vostokovedenie", 1996. 232 p. (in Russian).

Belokurov S.A. *Snoshenija Rossii s Kavkazom: Materialy, izvlech. iz Mosk. glav. arhiva M-va inostr. del Sergeem Al. Belokurovym. Vyp. 1. 1578–1613 gg.* [Relations between Russia and the Caucasus: Materials, extract. from Mosk. chapters. archive M-va foreign. cases Sergey Al. Belokurov. Iss. 1. 1578–1613]. Moscow: Univ. Publ., 1889. 715 p. (in Russian).

Bushev P.P. *Istoriya posol'stv i diplomaticheskikh otnoshenij Russkogo i Iranskogo gosudarstv v 1586–1612 gg. (po russkim arhivam)* [History of the embassies and diplomatic relations of the Russian and the Iranian States in 1586–1612 (based on the Russian archives)]. Moscow: Nauka Publ., 1976. 478 p. (in Russian).

Karamzin N.M. *Istoriya Gosudarstva Rossijskogo* [History of the Russian State]. T. IX. Saint Petersburg: Tipografiya N. Grecha, 1821. 770 p. (in Russian).

Kukanova N.G. *Ocherki po istorii russko-iranskih torgovyh otnoshenij v XVII–pervoj polovine XIX veka* [Essays on the history of Russian-Iranian trade relations in the 17<sup>th</sup>–first half of the 19<sup>th</sup> century]. Saransk: Mordovskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1977. 284 p. (in Russian).

Kusheva E.N. *Narody Severnogo Kavkaza i ih svyazi s Rossiej. Vtoraya polovina XVI–30-e gody XVII v.* [Peoples of the Northern Caucasus and their connections with Russia. Second part of the 16<sup>th</sup> century–the thirties of the 17<sup>th</sup> century]. M.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1963. 371 p. (in Russian).

Magilina I.V. Proekt antitureckogo dogovora mezhdu Moskovskim gosudarstvom i Persiej v 1600 g. (Rekonstrukciya po materialam posol'stva kn. A.F. Zhirovo-Zasekina), in *Vestnik VolGU. Ser. 4.* 2008. № 1(13). Pp. 145–155 (in Russian).

Novosel'cev A.P. Russko-iranskie otnosheniya v XVII –pervoj polovine XVIII v. [Russian-Iranian relations in the 17<sup>th</sup>–first half of the 18<sup>th</sup> century], in *Istoria SSSR.* 1960. № 3. Pp. 183–190 (in Russian).

*Pamyatniki diplomaticheskikh i torgovyh snoshenij Moskovskoj Rusi s Persiej / pod red. N.I. Veselovskogo. T. 1: Carstvovanie Fedora Ioannovicha* [Sources of diplomatic and trade relations of Moscow Russia with Persia / ed. N.I. Veselovsky. Vol. 1: The reign of Fyodor Ivanovich]. Saint Petersburg: Tovarishchestvo parovoj skoropechatni Yablonskij i Perott, 1890. 455 p. (in Russian).

Potto V.A. *Kavkazskaya vojna v otdel'nyh ocherkah, epizodah, legendah i biografijah. Ot drevnejshih vremen do Ermolova. Vypusk Pervyj. Izdanie vtoroe* [The Caucasian War in separate essays, episodes, legends and biographies. From ancient times to Yermolov. Issue One. Second Edition] Saint Petersburg: Izdanie knizhnogo sklada V.A. Berezovskogo. 1887. 737 p. (in Russian).



Smirnov N.A. *Rossiya i Turciya v XVI–XVII vv. T. 1. XVI vek* [Russia and Turkey in the XVI–XVII centuries. Vol. 1. XVI century] Moscow: Lomonosov Moscow State University, 1946. 158 p. (in Russian).

Barāziš A.Ḥ. *Ravābiṭ-i siyāsī-dīplumātīk-i Īrān va d̲jahān dar ‘ahd-i šafaviya* [Political And Diplomatic Relations Between Iran And the World In the Safavid Age] Tih̲rān: Mu’assisa-yi intišārāt-i Amīr Kabīr, 1392. 1296 p. (in Persian).

Bīnā ‘A.A. *Tārīkh-i siyāsī va dīplumāsī-yi Īrān. D̲jild-i avval. Az Gunābād tā Turkmančāy. 1134–1243 (hidjri)* [Political And Diplomatic History of Iran. Vol. 1. From Gonabad Till Turkmenchay. 1134–1243 A.H. (1721–1828)]. Čāp-i duvvum. Tih̲rān: Intišārāt-i dānišgāh-i Tih̲rān, 1337. 316 p. (in Persian).

Blow D. *Shah Abbas. The Ruthless King Who Became an Iranian Legend*. London: I.B. Tauris. 2009. 256 p.

D̲jamāl Zāda S.M.’A. *Tārīkh-i ravābiṭ-i Rūs va Īrān. Ba kušīš-i ‘Alī Dihbāšī* [History of Russo-Iranian Relations. Courtesy of Ali Dehbashī]. Tih̲rān: Sukhān, 1384. 249 p. (in Persian).

Imber C. *The Battle of Sufiyan, 1605: A symptom of Ottoman Military Decline?*, in *Iran and the World in the Safavid Age*. Ed. by W. Floor and Ed. Herzig. London: I. B. Tauris, 2012. Pp. 91–101.

Falsafī N. *Zindigānī-yi Šāh ‘Abbās-i avval. D̲jild-i duvvum* [The Biography of Shah Abbas I. Vol. 2]. Tih̲rān: Mu’assisa-yi intišārāt-i Nigāh, 1391. 722 p. (in Persian).

Falsafī N. *Zindigānī-yi Šāh ‘Abbās-i avval. Mud̲jallad-i sivvum: Dīndārī, siyāsāt-i mad̲habī, siyāsāt-i dāk̲hilī, ‘adālat, dārāyī va amlāk* [The Biography of Shah Abbas I. Vol. 3. Religiosity, Religious Politics, Domestic Politics, Justice, Assets and Estate]. Tih̲rān: Intišārāt-i dānišgāh-i Tih̲rān, 1353. 341 p. (in Persian).

Fekhner M.V. *Torgovlya Moskovskogo gosudarstva so stranami Vostoka v XVI v.* [Trade between the Moscow state and the countries of the East in the 16<sup>th</sup> century] Moscow: Goskul’tprosvetizdat, 1956. 139 p. (in Russian).

Mu’izzī N.Ḥ. *Tārīkh-i ravābiṭ-i siyāsī-yi Īrān bā dunyā, az Hak̲hāmanišī tā taḥavvulāt-i ak̲hīr. D̲jild-i avval* [History Of Relations Between Iran And the World, From the Achemenians Till the Latest Developments]. Tih̲rān: Čāpkhāna-yi ‘ilmī, 1324. 341 p. (in Persian).

Tādj Bakhš A. *Tārīkh-i ravābiṭ-i Īrān va Rūsīya dar nīma-yi avval-i ḳarn-i nūzdahum*. Tabrīz: Intišārāt-i kitābkhāna-yi Čīhr [History of Iranian-Russian Relations in the first half of the 19<sup>th</sup> century], 1337. 176 p. (in Persian).